

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Какие-то чашки, какие-то блюда,

Какие-то люди, сидящие рядом...

А завтра мы можем вдруг все не проснуться,

Накрытые мощным ракетным снарядом.

Какие-то тени, какие-то стены,

Какая-то люстра над головой...

А ночью проснёмся от воя сирены,

И окна расплющит горячей волною.

Какие-то звуки: то громче, то тише.

И вечер осенний прохладен и светел...

А завтра от взрыва проломится крыша,

И вместо дождя на нас выпадет пепел.

Меня окружают какие-то лица —

Они про любовь говорят и про дружбу.

Но если плохое вдруг завтра случится,

Скажите, кому это всё было нужно?

Какие-то люди копают подвалы
И прячут еду, забывая про отдых.
А завтра они из-под свежих завалов
Глотать будут чёрный, отравленный воздух.

Какие-то дети кричат и смеются,
Какое-то солнце на крыше алеет...
Но завтра мы можем совсем не проснуться,
А тот, кто проснулся, потом пожалеет...

***

Наши женщины не виноваты,
Что у нас тяжёлая рука.
Аты-баты, шли домой солдаты
Вегетарианского полка.
Каждой женщине дадим по мужу,
Мира за окном и тишины!
(Если всё ещё кому-то нужен
Ветеран трансгендерной войны.)
Стол накрыт, в графине стынет водка
В день, когда разбиты все враги.
А у женщин лёгкая походка
И свинцом налитые шаги...

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН
Вроде бы взрослые люди,
Дети, семья — всё такое.
Поверили, вдруг что-то будет,
Не совладев с собою.
Начали со случайных
Взглядов. Прикосновений.
Встреч и прогулок тайных,
Первых серьёзных сомнений.
Мысли свои и надежды
Спрятали в общую почту.
Будто не знали, невежды,
Как это шатко, непрочно.

Знали же ведь, что соседи
Будут смотреть и шептаться,
И все истории эти
Будут, как прежде, кончаться.
Будут секретные письма,
Будут звонки и угрозы,
Будут раскаянья мысли
И запоздалые слёзы.
А за спиной, где-то рядом,
Вечно кривая ухмылка
От понимающих взглядов
И пересудов в курилке.
Дружественною удавкой
Стиснут ряды коллеги,
Чтобы с повинною явка
Предотвратила побег
Будущие...
Было и будет.
Знаем истории эти.
Вроде бы взрослые люди —
А плачут и верят,
как дети.

***

Сигареты, наркотики, алкоголь
Помогают мне позабыть про боль,
Помогают мне потерять контроль,
Хотя стоят, увы, много денег.
Сигареты, наркотики, алкоголь.
У заветной двери назову пароль.
Был когда-то я в этом полный ноль,
А теперь почти академик.

Я сижу в подвале в одежде сырой.
Здесь меня не ждали, здесь я чужой.
Я устал давно и хочу домой,
Но не здесь, не сейчас и не с ними!

Ты сидишь на диване в квартире пустой,
За окном полицейской сирены вой.
И ещё ты слышишь в тиши ночной:
Кто-то громко зовёт твоё имя.

Омывает мозги шальная волна,
Между нами идёт мировая война.
И надежда уходит с остатками сна
Да стучится в окно злое утро.
Всё, что было меж нами, сторело дотла,
От него осталась одна зола.
И остывших объятий бывшего тепла
Никакая не даст камасутра.

Голова гудит, как в пушке снаряд,
Всё, что было меж нами, — было зря.
И чем ярче рассвет, тем мутнее взгляд,
И пора уже ставить точку.
Сигареты, наркотики, алкоголь
Притупляют чувства и гасят боль,
Но в конце концов (и в этом вся соль)
Лишь дают небольшую отсрочку...

***

Покажите мне дорогу, на которой надо быть,
Пусть стараются цыганки мне удачу нагадать.
Просмолите мне пирогу, на которой надо плыть.
И накройте небо ночью, я под ними буду ждать.
Подарите мне икону, чтоб пред нею падать ниц,
Запишите мою душу в этот стройный райский хор.
И глаза мне завяжите, чтоб не видеть этих лиц.
И заткните уши ватой, чтоб не слышать разговор.
Я как будто потерялся и не знаю, как мне быть:
Не могу решить, что делать и куда теперь идти.
Отыщу в лесу избушку, где бы можно было жить,
А следы засыплю пеплом, чтоб никто не мог найти...

Сигареты в твёрдой упаковке
И пивных бутылок целый ряд.
На пустой трамвайной остановке
Пацаны на корточках сидят.

Быстро магазины опустели.
Разобрали водку и вино.
В парке все трамваи отзвенели.
В девять начинается кино.

Ночь над тихим городом спускается,
Разбежался по домам народ.
Пацанов всё это не касается,
Пацанов никто нигде не ждёт.

Мать гремит кастрюлями сердито,
Задремал нетрезвым сном отец.
Брат с сестрой нарочно деловито
За уроки сели наконец.

Посиделки, драки, выпивоны —
От родителей большой секрет!
Здесь своя семья, свои законы.
Ничего важнее в жизни нет.

Словно призрак, вылез жёлтый «газик»
С голубой полоской на борту.
Пацанов он быстро в ряд поставит.
И опять умчится в темноту.

Завтра вновь откроет двери школа,
Ровно в восемь прозвенит звонок.
Секретарь райкома комсомола
Сам откроет ленинский урок.

Но у пацанов не та природа,
Чтоб над делом партии корпеть.
Надо им за два последних года
Ещё много кой-чего успеть!

Будет много «стрелок» и «бакланов».
И на счётчик выставят «чертей».
Кто-то, может, станет наркоманом,
Лишь бы только не было смертей!

Будет выпускной, костюмчик-тройка.
Будут бормотуха, пиво, план...
Где-то там грохочет перестройка,
Где-то дожидается Афган.

Город замер, ни души, ни звука.
По домам пора, хотя и лень.
Дома ждут родители и скука.
Завтра утром будет новый день.

II

Мы выросли не так, как сорняки,
Засохшие недалеко от дома,
А как общественно полезные цветы
На клумбе, что напротив исполкома.
Росли в неполных семьях. Без отца.
В ватагах пацанов, наивных, грубых.
Папаша в ранге пьяни-подлеца
По воскресеньям выдавал нам рубль.
Который мы, не знавшие войны,
Не на конфеты тратили — на водку.
Оттарабанив пионерскую речёвку,
Мы жили не идеей, а футболом.
Хоть в старших классах и, задрав штаны,
Бежали дружно вслед за комсомолом,
Поддавшись барабанам и речам,
Парткомам и райкомам угождая.

А после в парках собирались по ночам,
От передозировки угорая.
Мы ветеранов чтили как святых
И клали на учителей «с прибором»,
Жалея вдруг родителей своих,
Стыдясь их непонятных разговоров.
Мы выросли не так, как сорняки,
Забывтое, лихое поколение,
80-х вечные сынки,
Вдруг вышедшие из повиновения.

ХЭЛЛОУИН

Фредди Крюгер в дверь постучал
Ногтём.

Джейсон Вурхиз плечами пожал:
«Я ни при чём!»

Майкл Майерс мне говорит
(Лет так семь или восемь на вид):
«Трикер трит — твой счётчик
Включён!»

И пошла по дворам малышня
Взад-вперёд,
Только мысль всё гложет меня,
Не уйдёт:

В той далекой, забытой стране,
Где лет десять всего было мне,
Как бы я напугал в эту ночь
Народ?

Я оделся бы, как Вий
(Кашей? Бармалей?).

Уж не помню, кто был страшней
Для детей.

Может, чёртом оделся бы я,
Но одобрит ли это семья?

Да и кто, скажите, взаправду боится
Чертей?

Ну, открыл бы нам пьяный сосед,
И как?
«Кроме водки, сладостей нет —
Голяк!»
Или выскочит дворник Ефим
Да устроит всем Хэллуин:
По башке настучит и тем и другим
Просто так.
Чем позднее час, тем громче крики
Детей.
Кое-кто по второму кругу пошёл —
Злодей!
Ну а я у порога стою,
Да им сладости раздаю,
Да мечтаю, чтоб вечер прошёл
Поскорей!

ДЕТСТВО

Нет, я не знаю, куда я бегу,
Детство осталось на том берегу.
Больше не встретит меня Крошка Ру
И не продолжит со мною игру.
Тигра и Кролик, Пух и Сова
Больше не скажут простые слова
И не усядутся все на кровать,
Чтобы со мною книжки читать.
Детство умчалось, а я не успел.
В Швецию Карлсон давно улетел.
Вырос и стал знаменитым Малыш.
И посреди одиночества крыш
Тонкою корочкой первого льда,
Будто забытая в луже вода,
Детство уйдёт без следа
Навсегда...

С чего завершается
Родина?
Со справочников и
словарей,
Смешной фотографии
в паспорте,
ОВИРОВских
очередей.
А может, она
завершается
С такси в Шереметьево-2,
Где долго с родными
прощаешься,
Но выбрать не можешь
слова?
С чего завершается
Родина?
С гостиницы, что
по пути,
Зелёных погон
пограничника,
Работы, что трудно
найти.
А может, она
завершается
С ночных телефонных
звонков
И долгих расспросов
родительских,
Ненужных теперь
адресов?
С чего завершается
Родина...